

Екатерина Басманова

ТРАНСПОКОЙНИЕ:
ИЗ КРУГОВ АДА В РАЙСКИЕ КУЩИ

Репортаж ВСС

Кунцевское кладбище, под серым московским небом частые могилы с высокими оградками — кажется, даже после смерти москвичам не избежать тесноты. Вместе с Арсением с трудом, по тесной тропке пробираемся к свежему захоронению. Кунцевское — кладбище старое и дорогое, свежую могилу здесь увидишь нечасто.

«Когда я объявил на своем канале сбор, то даже не ожидал такого количества донатов, — с воодушевлением говорит Арсений. — Рассчитывал на место в колумбарии, а хватило на целую могилу!»

В нескольких секторах отсюда находится семейное захоронение, где покоятся дед Арсения и любимая бабушка. Однако родители не позволили сыну разместить его собственное надгробие там.

Когда Арсений совершил каминг-аут, родители не приняли его перехода.

«Они упрямо продолжают считать меня живым и не хотят ничего слушать», — жалуется он, стоя над черным гранитным памятником со своим именем, датами рождения и смерти.

17 февраля — Арсений хорошо помнит тот день, когда объявил себя транспоккойным:

«Я проснулся утром, небо было тусклым, как всегда, шел мелкий снег, и понял, что умер, что мой жизненный путь завершен и миру придется принять меня таким».

С того самого дня Арсений подобно тысячам людей по всему миру идентифицирует себя как транспоккойный. Однако если в Западной Европе или США рады новопреставленным, то в России дела обстоят иначе.

«В то утро, поняв, что мертвый не смогу пойти на работу, как человек ответственный я позвонил в офис и сообщил о своей кон-

чине — но мне не поверили! Более того, дни моего отсутствия за считали как прогулы и угрожали увольнением, если я не появлюсь на рабочем месте. К концу недели мне даже позвонил генеральный директор. Пытался убедить меня, что я жив, но у меня стресс или профессиональное выгорание, советовал своего психолога».

Непонимание — частая проблема, с которой сталкиваются транспоккойные в Восточной Европе. Общество отказывается признавать их такими, какие они есть, — мертвыми — и нередко стигматизирует как психически больных.

«В медицине сформировалось совершенно четкое представление о смерти, — рассказывает нам Виталий Лисицын, доктор медицинских наук, профессор кафедры танатологии Первого медицинского университета. — Существует клиническая смерть, а также биологическая. Последняя характеризуется смертью головного мозга и необратимыми изменениями в тканях организма. Что же до людей, объявляющих себя мертвыми, не пережив биологическую смерть, то это, вероятно, тоже по части медицины, но только не танатологии — вопросами бредового расстройства психики занимается психиатрия». Действительно, синдром «живого трупа» в российском классификаторе заболеваний все еще отнесен к категории психических расстройств, в то время как в Европе и США он давно исключен из классификаторов.

«Объявив себя мертвым в России, ты попадаешь в ад», — горько замечает Арсений. Мы в Беляево — спальном районе Москвы, где он снимает скромную квартиру в панельной многоэтажке. Из-за конфликта с родителями ему пришлось съехать из их дома и искать съемное жилье. «Как только собственники узнавали, что я мертвый, они просто отказывались мне сдавать, — сетует Арсений на дискриминацию, с которой пришлось столкнуться. — В конце концов я вынужден был соврать, что жив, просто чтобы не остаться без крыши над головой». Желая сэкономить, Арсений пытался найти руммейта для совместной аренды, однако тщетно — никто не согласился делить квартиру с человеком нетрадиционной идентичности. «На самом деле я знаю еще несколько транспоккойных в Москве, — признается Арсений, — но они боятся публично заявлять о себе, скрывают свой статус, потому что транспоккойный в этой стране бесправен и не может чувствовать себя в безопасности».

Восемь тридцать утра. Солнечное утро в Амстердаме — от прошедшего ночью дождика не осталось и следа. Александра Медник садится на велосипед, чтобы ехать в штаб-квартиру Центра помощи транспоккойным Евросоюза. Александра — волонтер Центра, аспирант кафедры трансмортальных исследований Амстердамского свободного университета и транспоккойная.

«В нашем центре мы принимаем не только граждан Евросоюза, но и транспоккойных, прибывших из Восточной Европы, Азии и Африки. В большинстве случаев транспоккойные-мигранты просят политического убежища, поскольку в своих странах подвергаются дискриминации и, бывает, даже угрозам физической расправы, — рассказывает Александра. — Задача центра — всесторонняя помощь новопреставленным. Мы разъясняем транспоккойным их права, помогаем с документами; если требуется — решаем вопросы с жильем: первично это комфортабельное общежитие, затем новопреставленному может быть предоставлена отдельная квартира».

Поскольку вынуждать работать мертвых неэтично, в Евросоюзе транспоккойные обычно не трудоустроены — им выплачивается ежемесячное пособие по временному пребыванию на этом свете. Тем не менее, есть те, кто и после смерти не утратил вкуса к труду — большинство из них, как и Александра, заняты волонтерством.

«Я сказала себе: я умерла, но это не страшно — я еще многое могу сделать для окружающих меня людей, для развития международного движения транспоккойных, — говорит Александра. — Я могу держать новопреставленных за руку, когда они входят в этот новый, прежде неизвестный им мир посмертия. Я могу рассказывать еще живым людям о транспоккойных, чтобы общество окончательно избавилось от старых предрассудков.

Долгое время считалось: чтобы ты умер, у тебя должно остановиться сердце, но теперь мы знаем, это не так. Мы знаем, есть люди, мертвые с бьющимся сердцем. Если вы проведете традиционное медицинское обследование такого человека, то не найдете отличий между ним и живым. Тем не менее отличие есть — это выбор, который сделал человек, выбор в пользу смерти — пускай физический конец наступит не сегодня, и не завтра, а даже лет че-

рез пятьдесят. Люди не заложники своей физиологии. Общество не в праве отказывать человеку в признании его мертвым, если он ощущает себя таковым. Общество не вправе требовать от покойного предъявить свой собственный труп — это просто неэтично.

Никто не может решать за другого человека, жив он или мертв. Мы привыкли относиться к смерти как к неоспоримому факту, но это не так. Смерть не более чем социальный конструкт, поэтому правильно разделять физическую и социальную смерть — они могут совпадать у одного человека, и не совпадать у другого.

Не правы те, кто заявляет, что социальная смерть — это новое и оттого не вызывающее доверия явление, ведь мы можем найти ее примеры в традиционных культурах. Например, на Сицилии, человек, изгнанный из родовой общины за какой-либо серьезный проступок, может быть объявлен мертвым. Родственники даже имеют право поставить памятник на кладбище такому покойному, и это место для всех будет считаться его могилой.

Но если в традиционных культурах социальная или гражданская смерть была связана с трагедией изгнания, то в наши дни все иначе. Современные люди не видят ничего постыдного в социальной смерти, которая является не чем иным, как свободным выбором, и не влечет для новопреставленного поражения в гражданских правах. Напротив, такой человек требует большей защиты со стороны общества и государства, как и к другим меньшинствам к нему должны применяться меры позитивной дискриминации.

Сегодня транспокойные имеют возможность не просто пережить свою смерть субъективно, внутри себя, но и сообщить о ней миру. Для этих целей энтузиастами движения создан сайт trans-death.com, на котором пользователи объявляют о своих смертях, а также собирают донаты на похороны и посмертные траты».

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".